

Франц
Бергелт

Маленькая принцесса

Рисунки
Ю. Устиновой

Самые лучшие девочки

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

**Маленькая принцесса.
Приключения Сары Кру**

«АСТ»

1905

Бёрнетт Ф.

Маленькая принцесса. Приключения Сары Кру / Ф. Бёрнетт — «АСТ», 1905 — (Самые лучшие девочки)

Героиня повести известной американской писательницы Фрэнсис Бёрнетт (1849–1924) Сара Кру – девочка из богатой семьи. Для неё покупают всё самое лучшее – самые лучшие игрушки, самую красивую одежду, самые вкусные лакомства. Но внезапно роскошная жизнь маленькой Сары заканчивается, и начинается новая, полная страданий и лишений. Но Сара Кру – благородная девочка с добрым и любящим сердцем – мужественно и терпеливо справляется с трудностями, выпавшими на её долю. Иллюстрации талантливой художницы Юлии Устиновой великолепно передают атмосферу этой интересной и драматичной повести. Для среднего школьного возраста. В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

© Бёрнетт Ф., 1905

© АСТ, 1905

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фрэнсис Элиза Бёрнетт
Маленькая принцесса.
Приключения Сары Кру

© Устинова Ю. Н., ил., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава первая Сара

В один из тех пасмурных зимних дней, когда над лондонскими улицами нависает такой густой, тяжелый туман, что фонари зажигают с утра, а в магазинах горит газ, как-то вечером по улицам тихо ехал кэб, в котором сидела маленькая девочка со своим отцом.

Она сидела, поджав ноги и прислонившись к обнявшему ее одной рукой отцу, и с каким-то недетски задумчивым выражением в своих больших глазах смотрела на прохожих.

Это выражение казалось совсем неподходящим к ее маленькому личику. Странно было видеть его и на лице одиннадцатилетней девочки, а Саре Кру было только семь лет.

Но дело в том, что Сара была непохожа на других детей. Она всегда думала и мечтала о чем-нибудь необыкновенном и всегда, насколько сама помнила, интересовалась взрослыми людьми и их жизнью. Ей казалось, что она живет на свете уже много, много лет.

Сара только что приехала со своим отцом, капитаном Кру, из Бомбея в Лондон и теперь думала об этом путешествии.

Ей вспоминался большой корабль, ласкары¹, тихо проходившие то туда, то сюда, дети, игравшие на залитой солнцем палубе, и жены молодых офицеров, которые обычно старались заставить ее разговориться, а потом смеялись над ее словами.

Особенно странным казалось Саре то, что сначала она жила в жаркой Индии, затем очутилась среди океана, а теперь ехала в каком-то необыкновенном экипаже по необыкновенным улицам, где днем было так же темно, как ночью. Все это было так удивительно, что она подвинулась еще ближе к отцу.

– Папа! – проговорила она тихо и таинственно, почти шепотом. – Папа!

– Что, моя девочка? – спросил капитан Кру, глядя на ее поднятое личико. – О чем ты думаешь?

– Это «то место», папа? – прошептала Сара, еще крепче прижимаясь к отцу. – Да, папа?

– Да, моя крошка. Мы наконец доехали.

И, несмотря на то, что Саре было только семь лет, она поняла, что ему тяжело говорить об этом.

Ей казалось, что папа ее уже давно, много лет тому назад, начал подготавливать ее к мысли об этом «месте», как она всегда называла его. Мать Сары умерла, когда она родилась, и потому девочка никогда не чувствовала, что ей недостает матери. Кроме молодого, красивого, богатого, доброго отца, у Сары, по-видимому, не было никаких родных. Они всегда играли вместе и горячо любили друг друга. Она знала, что ее папа богат, только потому, что слуги говорили это, когда думали, что она не слышит их; говорили они также, что и она будет богата, когда вырастет. Сара не вполне ясно понимала, что значит богатство. Она всегда жила в прекрасном доме, где было много слуг, которые низко кланялись ей, называли ее «мисси саиб» и позволяли ей делать все, что угодно. У нее была айя, няня-индуска, боготворившая ее, и множество всевозможных игрушек. И она слышала, что это обыкновенно бывает у богатых людей. Вот все, что она знала о богатстве.

Сара была вполне счастлива, и только мысль о «том месте», куда ее когда-нибудь отвезут, несколько тревожила ее. Климат Индии вреден для детей, и их при первой возможности увозят оттуда, чаще всего в Англию, в школу. Сара видела, как уезжали другие дети, и слышала, как потом их матери и отцы говорили о письмах, которые получали от них. Она знала, что ей тоже придется уехать. Хоть иногда рассказы отца о путешествии и о новой стране интересовали ее, она с ужасом думала о том, что ей придется расстаться с ним.

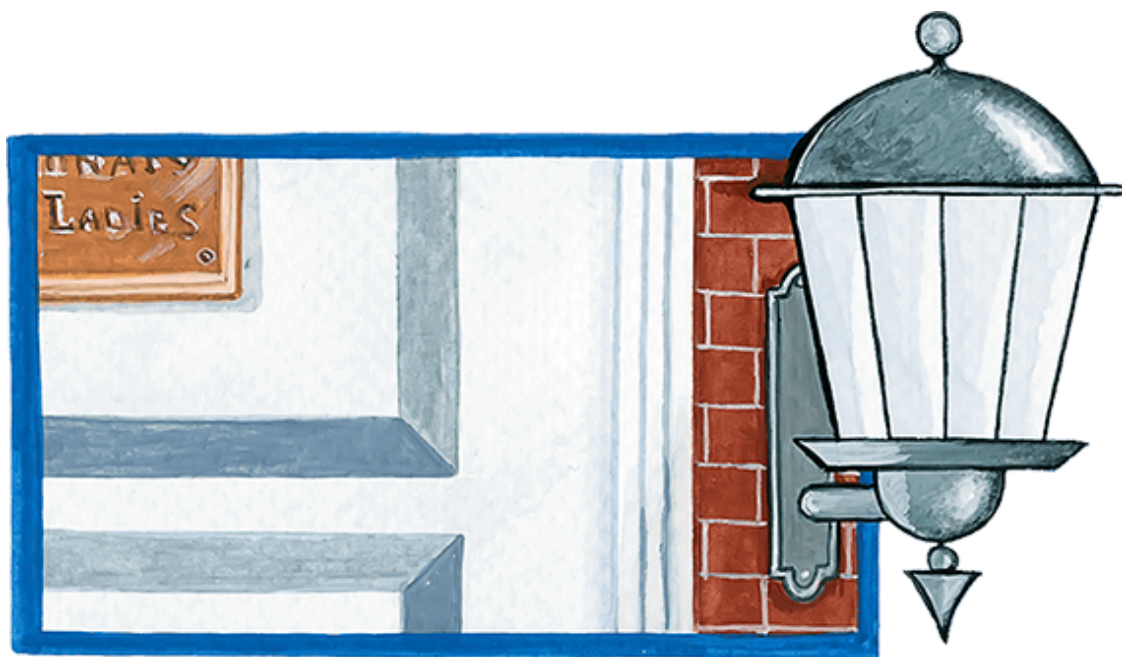
– А не мог бы ты остаться в «том месте» со мною, папа? – спрашивала она, когда ей было пять лет. – Ты тоже поступишь в школу, и я помогала бы тебе учить уроки.

– Ты недолго пробудешь там, моя крошка, – обыкновенно отвечал отец. – Я привезу тебя в красивый дом, где живет много маленьких девочек; ты будешь играть с ними, а я стану

¹ Ласкары – здесь: индийские матросы.

присылать тебе много, много книг. И ты будешь расти так быстро, что не успеем мы оглянуться, как ты, совсем большая и образованная, уже вернешься ухаживать за своим папой.

Сара любила думать об этом. Вести хозяйство отца, ездить с ним верхом, сидеть на первом месте за столом во время его званных обедов, разговаривать с ним и читать его книги – лучше она ничего не могла себе представить. И если для того, чтобы добиться своего счастья, нужно поехать в «то место», в Англию, то придется решиться на это. Что там много маленьких девочек – это ей все равно; но если у нее будет вдоволь книг, она как-нибудь проживет. Сара любила книги больше всего другого и даже сама часто придумывала разные истории и рассказывала их себе самой. Иногда она рассказывала их отцу, которому они нравились так же, как ей.

– Ну что же, папа, – мягко проговорила Сара, – так как мы уже здесь, то, мне кажется, нам нужно примириться с этим.

Капитан засмеялся над такой странной в устах ребенка фразой и поцеловал Сару. Сам он никак не мог примириться с этим. Его девочка была для него отличным товарищем, и он знал, каким одиноким почувствует он себя, когда вернется в свой дом в Индии и навстречу к нему не выбежит его маленькая Сара в белом платье. И потому он нежно прижал ее к себе, в то время как кэб свернул на площадь и остановился около большого дома.

Это было мрачное кирпичное здание, совершенно такое же, как и все соседние дома. На входной двери блестела медная дощечка, на которой было выгравировано черными буквами:

«МИСС МИНЧИН.

ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА ДЛЯ МОЛОДЫХ ДЕВИЦ».

– Ну, вот мы и приехали, Сара, – сказал капитан Кру, стараясь говорить как можно веселее.

Он взял девочку на руки и поставил ее около подъезда, а потом они взошли на ступеньки и позвонили. Впоследствии Саре часто приходило на ум, что дом этот удивительно похож на мисс Минчин. Он имел представительный вид и был хорошо меблирован, но вся его обстановка отличалась полным отсутствием красоты. Мебель в приемной была жесткая, полированная; даже румяные щеки луны, нарисованной на стоявших в углу больших часах, имели какой-то строгий, лакированный вид. В гостиной, куда привели Сару и ее отца, лежал на полу ковер, рисунок которого состоял из квадратов; стулья тоже были какие-то квадратные; в кресла, казалось, были вставлены необыкновенно твердые пружины, а на тяжелом мраморном камине стояли, в виде украшения, тяжелые мраморные часы.

Сара села на жесткий стул красного дерева и быстро огляделась кругом.

– Мне здесь не нравится, папа, – сказала она. – Но что же делать? Ведь и военным, даже самым храбрым, наверное, не нравится идти на войну.

Капитан Кру расхохотался. Оригинальные замечания Сары всегда забавляли ее веселого, молодого отца, и он никогда не уставал слушать ее.

– Ах, моя крошка! – сказал он. – Что я буду делать, когда никто не станет говорить мне таких торжественных фраз! Только ты одна умеешь говорить их.

– Но почему же ты смеешься, слушая торжественные фразы? – спросила Сара.

– Потому что они выходят такие забавные, когда ты говоришь их, – ответил, снова засмеявшись, капитан. А потом он вдруг крепко обнял Сару и горячо поцеловал ее. Теперь он уже не смеялся; казалось, напротив, как будто слезы готовы брызнуть у него из глаз.

В эту минуту мисс Минчин вошла в комнату, и Сара тотчас же увидела, что она удивительно похожа на свой дом. Это была высокая, представительная, суровая и очень некрасивая женщина с большими холодными глазами и широкой холодной улыбкой. Увидав Сару и капитана Кру, она улыбнулась еще шире. От дамы, которая рекомендовала капитану ее школу, мисс Минчин получила очень приятные сведения о нем. Так она между прочим узнала, что он очень богат и не пожалеет никаких расходов для своей маленькой дочери.

– Взять на себя заботу о такой прелестной и способной девочке, – сказала мисс Минчин, взяв руку Сары и глядя ее, – будет для меня большой честью, капитан. Леди Мередит говорила мне о ее необыкновенном уме. А способный ребенок – настоящее сокровище для такой школы, как моя.

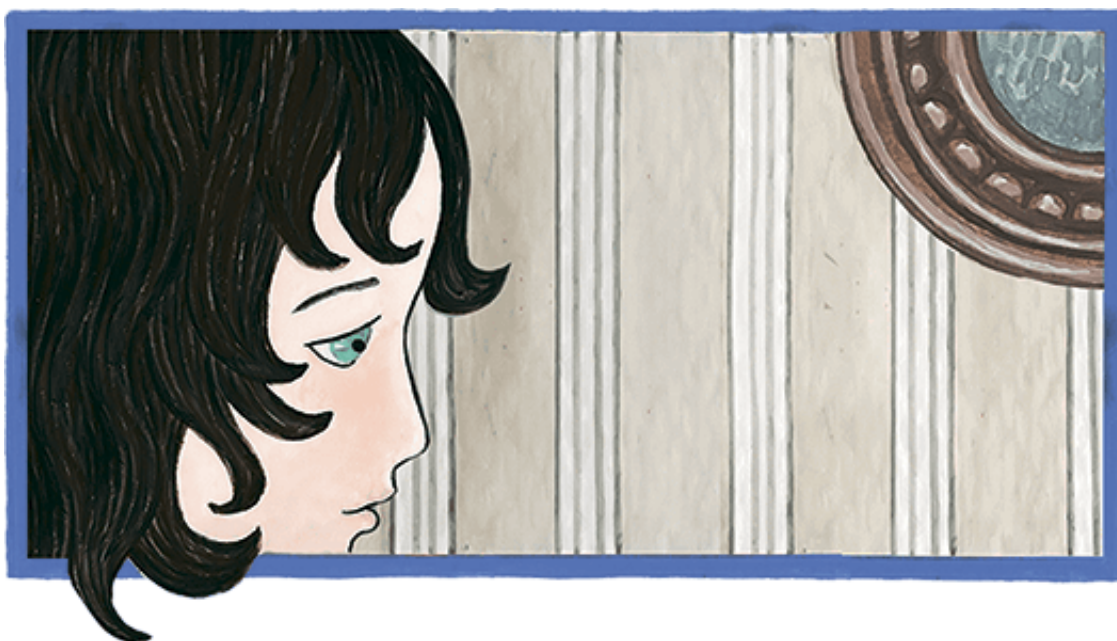
Сара стояла неподвижно, устремив глаза на мисс Минчин. Ей, как всегда, приходили в голову странные мысли.

«Зачем она говорит, что я прелестная девочка? – думала она. – Ведь это неправда. Вот Изабелла, дочь полковника Грэнджа, действительно очень красива. У нее розовые щеки с ямочками и длинные золотистые волосы. А у меня зеленые глаза, короткие черные волосы, и я такая худая. Что же тут красивого? Я, напротив, очень дурна, я безобразнее чуть ли не всех детей, каких мне случалось видеть. Значит, она лжет».

Сара ошибалась, считая себя некрасивой. Она на самом деле несколько не походила на Изабеллу Грэндж, самую хорошенькую девочку в полку; но зато она обладала особой, своеобразной прелестью. Это была слишком высокая для своих лет, худенькая, стройная девочка с милым, энергичным личиком и густыми, почти черными волосами, которые слегка вились на концах. Большие зеленовато-серые глаза ее с длинными черными ресницами были замечательно красивы, и цвет их нравился многим, хотя ей самой он казался отвратительным. Во всяком случае, Сара считала себя дурнушкой, и лесть мисс Минчин несколько не изменила ее мнения о себе.

«Я бы солгала, если бы назвала ее красавицей, – думала Сара, – и я знала бы, что лгу. Мне кажется, я в своем роде такая же безобразная, как она. Зачем же она сказала это?»

Когда Сара познакомилась с мисс Минчин поближе, она поняла, почему та сказала это. И она заметила, что мисс Минчин говорила то же самое каждому отцу и каждой матери, отдававших детей в ее школу.

Сара стояла около отца и слушала, как он разговаривал с начальницей. Он решил отдать свою девочку в ее школу, потому что две дочери леди Мередит учились здесь, а капитан Кру был очень высокого мнения о леди Мередит и вполне полагался на ее опытность. Он желает, чтобы Сара, живя в школе, пользовалась всевозможными удобствами. Ей нужна хорошенькая спальня, отдельная гостиная, экипаж и пони и особая горничная вместо айи, няни, ходившей за ней в Индии.

– Ученье дается ей легко, и относительно этого я несколько не беспокоюсь, – сказал капитан Кру, держа в своей руке руку Сары и похлопывая по ней. – Трудно будет, напротив, удерживать ее от занятий, не давать ей учиться слишком много. Она постоянно сидит, уткнувши свой носик в книгу. Она не читает книги, мисс Минчин, а пожирает их, как будто она волк, а не маленькая девочка. И она никак не может насытиться. Ей нужны все новые и новые книги, да еще самые большие и толстые, и притом такие, которые пишутся для взрослых. А будут они французские, немецкие или английские, это ей решительно все равно. Она любит читать все – историю, биографии, стихи. Не давайте ей сидеть слишком много над книгами, мисс Минчин. Пусть она лучше покатается на пони или пойдет гулять и купит себе новую куклу. Ей следовало бы побольше играть в куклы.

– Послушай, папа, – сказала Сара, – ведь если я буду через каждые несколько дней покупать себе новую куклу, то у меня будет их слишком много. Куклы должны быть близкими друзьями. Моим самым близким другом будет Эмили.

Капитан Кру взглянул на мисс Минчин; мисс Минчин взглянула на капитана Кру.

– Кто такая Эмили? – спросила она.

– Пусть вам скажет это сама Сара, – с улыбкой ответил капитан.

Зеленовато-серые глаза Сары глядели серьезно и кротко.

– Это кукла, которой у меня еще нет, – сказала она. – Папа обещал купить ее. Мы пойдем за ней вместе. Я назвала ее Эмили, и она будет моим другом, когда папа уедет. Она нужна мне, чтобы говорить с ней о нем.

Широкая улыбка мисс Минчин сделалась льстивой.

– Какой оригинальный ребенок! – воскликнула она. – Какая милая маленькая девочка!

– Да, она милая маленькая девочка, – сказал капитан Кру, прижимая к себе Сару, – заботьтесь о ней получше, мисс Минчин.

Сара пробыла с отцом несколько дней; она оставалась с ним до тех пор, пока он не отплыл назад, в Индию. Они ходили вместе по магазинам и покупали много всевозможных вещей для Сары – закупили их гораздо больше, чем нужно было ей. Капитан Кру был щедрый, непрактичный человек. Он покупал для своей дочери все, что нравилось ей, и все, что нравилось ему самому.

Таким образом, они выбрали вдвоем довольно странный гардероб, слишком роскошный для семилетней девочки. Тут были кружевные и вышитые платьица и бархатные, обшитые дорогими мехами шляпы с большими нежными страусовыми перьями; кофточки на горностаевом меху и муфты; коробки с крошечными перчатками, платками и шелковыми чулками. И все это покупали они в таком громадном количестве, что молодые женщины, стоявшие за прилавком, с изумлением переглядывались. Они решили, что странная девочка с большими мечтательными глазами какая-нибудь иностранная принцесса – может быть, дочь индийского раджи.

Нелегко было капитану и Саре найти Эмили; долго пришлось им ходить по разным игрушечным магазинам и осматривать много кукол, прежде чем они отыскали ее.

– Я хочу, чтобы она глядела на меня не так, как кукла, – сказала Сара. – Я хочу, чтобы мне казалось, будто она слушает меня, когда я говорю с ней. Куклы нехороши тем, что они как будто совсем не слушают, – задумчиво прибавила она, склонив голову набок.

Итак, капитан и Сара пересмотрели целую кучу кукол, больших и маленьких, с карими и голубыми глазами, с темными локонами и золотистыми косами, одетых и неодетых.

– Если Эмили будет не одета, – сказала Сара, – мы можем отвести ее к портнихе, и та сошьет ей все вещи. Они лучше будут сидеть на Эмили, потому что будут сшиты по мерке.

После множества неудач они решили, не заходя в магазины, осматривать сначала выставленных в окнах кукол. Выйдя из кэба и сказав извозчику, чтобы он тихонько ехал за ними, они отправились на поиски. В двух или трех ближайших магазинах не нашлось ничего подходящего. Они пошли дальше и приблизились к небольшой игрушечной лавке. Вдруг Сара остановилась и схватила за руку отца.

– О, папа! – воскликнула она. – Вот Эмили! – Щеки девочки вспыхнули, а в ее зелено-вато-серых глазах появилось такое выражение, как будто она увидела кого-нибудь близкого и любимого.

– Она ждет нас, – продолжала Сара. – Пойдем к ней!

– Ах, Боже мой! – сказал капитан Кру. – Как же нам быть? С нами нет никого, кто бы представил нас ей.

– Ничего, – успокоила его Сара. – Ты представишь меня, а я представлю тебя. Но ведь я узнала ее в ту же минуту, как увидела. Может быть, и она узнала меня.

Может быть, и узнала. По крайней мере, у нее был очень разумный вид, когда Сара взяла ее на руки. Это была большая кукла, но не настолько большая, чтобы ее неудобно было носить. У нее были вьющиеся темно-золотистые волосы и ясные голубовато-серые глаза с длинными густыми ресницами – настоящими ресницами, а не нарисованными.

– Да, это так, папа, – сказала Сара, посадив куклу на колени и глядя ей в лицо. – Это действительно Эмили.

Итак, Эмили купили, тотчас же отвезли в магазин, где продавались все принадлежности туалета для кукол, и после тщательной примерки выбрали для нее такие же роскошные вещи, как и для самой Сары. Ей тоже накупили кружевных, бархатных и кисейных платьев, и шляп, и кофточек, и великолепного, отделанного кружевами белья, и перчаток, и платков, и мехов.

– Я ее мама и должна заботиться о ней, – говорила Сара. – Она будет моим другом.

Капитан Кру делал бы все эти покупки с величайшим удовольствием, если бы одна мучительная мысль не сжимала его сердца: он все время думал о том, что ему придется скоро расстаться со своей странной, горячо любимой маленькой девочкой.

Ночью он встал с постели и долго стоял, глядя на Сару, которая спала, обняв Эмили. Ее черные волосы рассыпались на подушке и смешались с золотистыми волосами куклы. Обе они были в отделанных кружевами пеньюарах, и у обеих длинные, загнутые ресницы лежали на щеках. Эмили так походила на настоящего ребенка, что капитану было приятно видеть ее рядом с Сарой. Он глубоко вздохнул и каким-то мальчишеским движением закрутил усы.

– Ах, моя маленькая Сара, – пробормотал он, – ты, наверное, и не подозреваешь, как будет горевать по тебе твой папа!

На другой день капитан отвез свою девочку к мисс Минчин и оставил ее там. На следующее утро ему предстояло отплыть в Индию. Он объяснил мисс Минчин, что его делами

заведуют в Англии стряпчие Барро и Скипворт, к которым она может обращаться за советом в случае какого-нибудь затруднения; они же будут оплачивать все расходы, какие она сделает для Сары. Он будет писать своей девочке два раза в неделю и желает, чтобы ей не отказывали ни в чем, чтобы она пользовалась всеми удовольствиями, какими пожелает.

– Она разумная девочка, – прибавил он, – и никогда не попросит чего-нибудь вредного или неподходящего для нее.

Потом капитан ушел с Сарой в ее маленькую гостиную, чтобы наедине проститься с ней.

Сара села к нему на колени и, взяв его за лацканы сюртука, долго и пристально глядела на него.

– Ты, должно быть, хочешь выучить меня наизусть, моя крошка? – спросил капитан, глядя ее волосы.

– Нет, – ответила она, – я и так знаю тебя наизусть. Ты у меня в сердце.

Они крепко обнялись и долго целовали друг друга; казалось, они были не в силах расстаться.

Когда кэб тронулся с места, Сара из окна своей гостиной не спускала с него глаз до тех пор, пока он не свернул за угол. Эмили была рядом с ней и тоже смотрела на кэб.

Мисс Минчин послала свою сестру Амелию посмотреть, что делает Сара. Но та не могла войти к ней, так как дверь оказалась запертой.

– Я заперла дверь, – слышался изнутри тихий, вежливый голосок. – Мне бы хотелось, если позволите, остаться одной.

Толстая недалекая мисс Амелия благоговела перед своей сестрой. Она была добрее мисс Минчин, но никогда не осмеливалась послушаться ее. Встревожившись и не зная, что делать, мисс Амелия опять сошла вниз.

– Никогда не видывала я такого смешного и странного ребенка, сестра, – сказала она мисс Минчин. – Она заперлась у себя и сидит тихо-тихо; из комнаты не слышно ни звука.

– Ну, что же, это гораздо лучше, чем если бы она стала стучать и кричать, как делают иные, – возразила мисс Минчин. – Я боялась, что эта донельзя избалованная девочка поднимет страшный шум и всполошит весь дом. Ведь ей позволяли делать все, что угодно.

– Я разбираю ее сундуки, – сказала мисс Амелия. – Ах, какие у нее чудные вещи, сестра! Соболи и горностаевые кофточки, отделанные настоящими валансьенскими кружевами белье! Ты видела некоторые из ее платьев. Как они понравились тебе?

– По-моему, они в высшей степени смешные, – резко ответила мисс Минчин, – но в воскресенье, когда воспитанницы отправятся в церковь, а она пойдет впереди всех, ее роскошные костюмы будут как раз кстати. Ей столько накопили всего, как будто она принцесса.

В это время наверху Сара и Эмили сидели в запертой комнате и смотрели на то место, где, завернув за угол, пропал из виду кэб. А капитан Кру все оглядывался и махал платком и посылал воздушные поцелуи, как будто был не в силах остановиться.

Глава вторая

Урок французского

Когда Сара на следующее утро вошла в класс, все глаза с любопытством устремились на нее.

К этому времени все воспитанницы – начиная с Лавинии Герберт, которая считала себя почти взрослой, так как ей было уже около тринадцати лет, и кончая четырехлетней Лотти Лег – успели узнать о ней многое. Они узнали, что она очень богата и будет занимать особое, привилегированное положение в школе. Некоторые воспитанницы видели мельком ее горничную, француженку Мариетту, приехавшую накануне вечером. Лавинии удалось пройти мимо комнаты Сары в ту минуту, когда дверь была открыта, и она увидела Мариетту, разбиравшую корзину, только что присланную из магазина.

– В корзине лежали до самого верха юбки с гофрированными кружевными оборочками, много, много оборочек, – рассказывала Лавиния своей подруге Джесси, низко нагнувшись над учебником географии. – Я видела, как французская горничная встряхивала их. Мисс Минчин говорила мисс Амелии, что платья новенькой слишком роскошны и смешны для ребенка. Моя мама находит, что детей нужно одевать как можно проще. А знаешь, на новенькой и теперь такая же юбка. Я видела ее, когда она садилась.

– И на ней шелковые чулки! – шепнула Джесси, тоже нагнувшись над учебником. – А какие у нее маленькие ножки! Никогда не видывала я таких.

– Пустяки! – презрительно фыркнула Лавиния. – Это просто от туфель. Моя мама говорит, что даже большие ноги кажутся маленькими, если башмаки куплены в хорошем магазине. И, по-моему, эта новенькая совсем некрасива. Какого странного цвета у нее глаза!

– Да, она непохожа на других хорошеньких девочек, – сказала Джесси, украдкой взглянув на Сару, – но когда помотришь на нее, то хочется взглянуть еще раз. У нее необыкновенно длинные ресницы, но глаза почти совсем зеленые.

Сара спокойно сидела на своем месте и ждала, чтобы ей сказали, что нужно делать. Ее посадили около самой кафедры мисс Минчин. Сару несколько не смущали любопытные взгляды воспитанниц; она с таким же любопытством смотрела на них. Она спрашивала себя, о чем они думают, любят ли они мисс Минчин, нравится ли им учиться и есть ли хоть у одной из них такой папа, как у нее. Утром она долго говорила о нем с Эмили.

– Теперь он плывет по морю, Эмили, – говорила она. – Мы должны быть большими друзьями и поверять друг другу все. Посмотри на меня, Эмили. У тебя очень хорошенькие глазки, но мне бы хотелось, чтобы ты умела говорить.

У Сары было очень сильное воображение, и ей постоянно приходили в голову разные странные мысли и фантазии. Так, например, она думала, что для нее будет большим утешением, если она представит себе, будто Эмили живая и на самом деле слышит и понимает все.

Когда Мариетта одела Сару в темно-синее форменное платье и завязала ей волосы темно-синей лентой, девочка подошла к Эмили, которая сидела на своем собственном стуле, и положила около нее книгу.

– Ты можешь почитать, пока я буду внизу, – сказала она и, увидев, что Мариетта с удивлением глядит на нее, прибавила, повернув к ней свое серьезное личико: – Я думаю, куклы могут делать многое, но стараются, чтобы мы не знали этого. Может быть, Эмили в самом деле умеет ходить, говорить и читать, но делает это только тогда, когда в комнате никого нет. Она скрывает это. Ведь если бы люди узнали, что куклы могут делать все, они, наверное, заставили бы их работать. И потому куклы, может быть, сговорились не открывать никому своего секрета. Если вы останетесь в комнате, Эмили будет сидеть на своем стуле и не тронется с места;

но если вы уйдете, она, может быть, начнет читать или пойдет и станет смотреть в окно. А как только она услышит, что кто-нибудь из нас идет сюда, она побежит назад, сядет на стул и сделает такой вид, как будто все время сидела здесь.

«Comme elle est drole²», – подумала француженка и, пойдя вниз, рассказала главной горничной о фантазии Сары. Но Мариетта уже начинала любить эту странную маленькую девочку с таким умненьким личиком и такую благовоспитанную.

Ей приходилось ходить за детьми, которые были далеко не так вежливы. А в манере Сары говорить: «Пожалуйста, Мариетта», «Благодарю вас, Мариетта», – было какое-то особое очарование.

– Она благодарит меня, как будто я леди, – говорила француженка главной горничной. – Elle a l'air d'une princesse³.

Мариетта была в восторге от своего места и своей маленькой госпожи.

Через несколько минут после того, как Сара вошла в класс, мисс Минчин с величественным видом постучала по кафедре.

– Девицы, – сказала она, – я хочу представить вам новую воспитанницу.

Все девочки встали; встала и Сара.

– Надеюсь, что вы все будете любезны с мисс Кру, – продолжала мисс Минчин. – Она приехала к нам издалека, из Индии. Когда уроки кончатся, вы можете познакомиться с ней.

Девочки церемонно присели, Сара сделала то же, а потом все уселись и снова переглянулись.

– Сара, – сказала мисс Минчин таким строгим, наставническим тоном, каким обыкновенно говорила в классе, – подойдите ко мне.

Она взяла с кафедры книгу и стала перелистывать ее. Сара подошла к ней.

– Отец ваш нанял вам французскую горничную, – сказала мисс Минчин. – Он, без сомнения, сделал это для того, чтобы вы поскорее научились французскому языку.

Саре стало немножко неловко.

– Мне кажется, – нерешительно проговорила она, – он нанял ее, думая, что она будет приятна мне.

– Вас, как видно, чересчур баловали, – сказала мисс Минчин с довольно кислой улыбкой, – и потому вы воображаете, что решительно все делается только для вашего удовольствия. А по-моему, ваш отец желал, чтобы вы хорошенько изучили французский язык.

Если бы Сара была постарше или не так боялась показаться невежливой, она объяснилась бы в нескольких словах. Но теперь только яркий румянец вспыхнул у нее на щеках. Мисс Минчин была очень строгая и величественная особа. Она, по-видимому, была вполне убеждена, что Сара не имеет никакого понятия о французском языке, и девочке казалось неловким разuverять ее. На самом деле Сара знала его – знала с тех пор, как помнила себя. Ее отец часто говорил с ней по-французски, когда она была совсем маленькая. Ее мать была француженка, и капитан Кру любил этот язык. Таким образом, Сара часто слышала его и знала, как свой родной.

– Я никогда... никогда не училась по-французски, – застенчиво начала она, делая попытку объясниться, – но... но...

Сама мисс Минчин не умела говорить по-французски, но старательно скрывала от всех это неприятное обстоятельство. И теперь, опасаясь каких-нибудь щекотливых вопросов со стороны новой воспитанницы, она поспешила прекратить разговор.

² Какая она забавная (*фр.*).

³ Она воздушная, она принцесса (*фр.*).

– Довольно, – резко сказала она. – Если вы не учились, то начните сегодня же. Учитель французского языка, господин Дюфарж, придет через несколько минут. Возьмите эту книгу и займитесь до его прихода.

Щеки Сары пылали. Она пошла назад, на свое место, и, открыв книгу, серьезно взглянула на первую страницу. Если бы она улыбнулась, это было бы грубо; поэтому и не улыбалась. А между тем ей было смешно учить, что «le pere» значит «отец», а «la mere» – «мать».

Мисс Минчин пронизательно взглянула на Сару.

– Вы как будто недовольны, Сара, – заметила она. – Очень жаль, что вам не хочется учиться французскому.

– Я люблю французский язык, – сказала Сара, делая еще одну попытку объясниться, – но...

– Вы не должны говорить «но», когда вам дают какое-нибудь задание, – остановила ее мисс Минчин. – Читайте свою книгу.

Сара опустила глаза на книгу и опять не улыбнулась, прочитав, что «le fils» значит «сын», а «le frere» – «брат».

«Когда придет господин Дюфарж, – подумала она, – я объясню ему все».

Он пришел через несколько минут. Это был красивый средних лет француз с умным лицом. Он с любопытством взглянул на Сару, которая добросовестно читала французские диалоги.

– Это новая ученица, madame? – спросил он мисс Минчин. – Она будет заниматься со мной?

– Ее отец, капитан Кру, очень желал, чтобы она училась французскому, – ответила мисс Минчин, – но боюсь, что у нее какое-то ребяческое предубеждение против французского языка. Ей, по-видимому, не хочется учиться ему.

– Мне это очень неприятно, mademoiselle, – добродушно сказал француз, обратившись к Саре. – Когда мы начнем заниматься, мне, может быть, удастся доказать вам, что это очень хороший язык.

Сара встала со своего места. Она уже начинала приходить в отчаяние от неловкого положения, в котором очутилась, и с умоляющим видом взглянула на Дюфаржа своими большими зеленовато-серыми глазами. И, спеша поскорее объяснить ему все, она очень мило и совершенно свободно заговорила по-французски. Madame не поняла ее. Французскому языку она действительно не училась по книгам, но ее папа и другие часто говорили с ней по-французски и она может читать и писать так же легко по-французски, как по-английски. Ее мама, которая умерла, когда она родилась, была француженка, и папа любит ее язык, а потому и она сама любит его. Она будет рада учить все, что задаст ей monsieur. А слова в этой книге она знает – она старалась объяснить это madame.

Когда Сара заговорила, мисс Минчин, вздрогнув всем телом, почти с негодованием взглянула на нее сквозь очки и не спускала с нее глаз до тех пор, пока она не кончила.

Радостная улыбка показалась на лице Дюфаржа. Слушая этот звонкий детский голос, говоривший так свободно на его родном языке, он почувствовал, как будто снова очутился у себя на родине, которая, как иногда казалось ему в туманные, пасмурные дни, была далеко-далеко от Лондона, совсем на другом конце света. Когда Сара кончила, он почти с нежностью взглянул на нее и, взяв у нее книгу диалогов, обратился к мисс Минчин.

– Не многому могу я научить ее, *madame*, – сказал он. – Она не училась по-французски – она француженка. У нее прелестный выговор.

– Вам следовало предупредить меня! – воскликнула мисс Минчин, обернувшись к Саре.

– Я... я старалась, – ответила Сара, – должно быть, я не так начала...

Мисс Минчин знала, что она старалась и не виновата, что ей не дали объясниться. Увидев же, что воспитанницы внимательно слушают, а Лавиния и Джесси хихикают, закрывшись французскими грамматиками, мисс Минчин окончательно вышла из себя.

– Прошу вас замолчать, девицы! – строго сказала она, стуча по кафедре. – Замолчите сию же минуту!

И с этого первого урока французского мисс Минчин невлюбила Сару.

Глава третья

Эрменгарда

В это же утро, когда Сара сидела около мисс Минчин и все глаза были устремлены на нее, сама она обратила внимание на девочку, приблизительно одних с нею лет, которая пристально глядела на нее наивными светло-голубыми глазами. Это была толстая, по-видимому недалекая, но добродушная девочка. Ее светлые волосы были туго заплетены в косичку и завязаны лентой. Девочка обернула свою косичку кругом шеи и, взяв в зубы кончик ленты, облокотилась на пюпитр и с любопытством глядела на новенькую.

Когда Дюфарж заговорил с Сарой, на лице толстой девочки появилось испуганное выражение; а когда Сара, выступив вперед, стала отвечать ему по-французски, толстая девочка вздрогнула и покраснела от изумления. Сама она в продолжение нескольких недель проливала горькие слезы, стараясь запомнить, что «la mere» значит «мать», а «le pere» – «отец». А эта новенькая, которая, по-видимому, не старше ее, твердо знает не только эти слова, но и множество других, и совсем легко, без всякого затруднения, составляет из них фразы с глаголами, как будто это сущие пустяки. Да, тут было от чего прийти в изумление!

Толстая девочка смотрела на Сару так пристально и с таким остервенением кусала свою ленту, что обратила на себя внимание мисс Минчин. А та была до того раздражена в эту минуту, что тотчас же накинулась на нее.

– Мисс Сент-Джан! – строго сказала она. – Что это за манеры? Уберите локти! Выньте изо рта ленту! Сядьте прямо!

Мисс Сент-Джан снова вздрогнула и покраснела, а когда Лавиния и Джесси начали пересмеиваться, покраснела еще больше, покраснела до того, что казалось, слезы сейчас брызнут из ее бедных глупеньких детских глаз. Сара видела все это, и ей стало так жаль мисс Сент-Джан, что она решила подружиться с ней. Она всегда жалела и готова была защищать обиженных. Это было в ее характере.

– Если бы Сара была мальчиком и жила несколькими столетиями раньше, – говорил ее отец, – она сделалась бы рыцарем и, разъезжая по всей стране, защищала бы своим мечом всех несчастных. Она не может видеть равнодушно, если кого-нибудь обижают.

Итак, Сара почувствовала некоторую нежность к толстой, неповоротливой мисс Сент-Джан и несколько раз взглядывала на нее во время уроков. Она заметила, что ученье дается мисс Сент-Джан нелегко и что никогда не будет она сидеть на первом месте в классе. Жалко было смотреть на нее, когда ей пришлось отвечать французский урок. У нее был такой ужасный выговор, что иногда даже сам Дюфарж не мог удержаться от улыбки, а Лавиния, Джесси и другие более способные девочки то пересмеивались, то презрительно взглядывали на несчастную мисс Сент-Джан. Но Сара не смеялась. Она делала вид, будто не слышит, когда та говорила вместо «le bon pain⁴» – «le bong pang». У Сары было горячее сердечко, и она выходила из себя, слыша хихиканье и глядя на растерянное лицо мисс Сент-Джан.

– Тут нет ничего смешного, – шептала она сквозь зубы, наклонившись над книгой. – Им бы не следовало смеяться.

Когда уроки кончились и воспитанницы, разбившись на группы, начали болтать между собою, Сара подошла к мисс Сент-Джан, которая с безутешным видом сидела, сжавшись в комочек, на подоконнике, и заговорила с ней. Хотя в словах Сары не было ничего особенного и она говорила то же самое, что всегда говорят маленькие девочки, знакомясь между собою, тон

⁴ Хлеб хороший (фр.).

ее, как всегда в таких случаях, был необыкновенно дружеский и задушевный. И это подкупало всех.

– Как тебя зовут? – спросила Сара.

Мисс Сент-Джан с изумлением глядела на нее. Накануне вечером вся школа толковала о новенькой, и мисс Сент-Джан легла спать до крайности возбужденная всем, что слышала о ней. Ученица, у которой есть экипаж, пони и горничная и которая к тому же приехала из Индии, – большая редкость.

– Меня зовут Эрменгарда Сент-Джан, – ответила она.

– А меня Сара Кру, – сказала Сара. – У тебя очень милое имя. Оно точно из волшебной сказки.

– Тебе оно нравится? – смущенно проговорила Эрменгарда. – А мне нравится твое.

Отец мисс Сент-Джан был, к ее величайшему огорчению, человек очень образованный. Если ваш отец говорит на семи или восьми языках, если у него тысячи книг, которые он, по видимому, знает наизусть, то ему, конечно, хочется, чтобы вы, по крайней мере, хоть хорошо учили свои уроки. И он полагает, что вы должны помнить разные события из истории и писать без ошибок французские упражнения. Эрменгарда была тяжелым бременем для мистера Сент-Джана. Он не мог понять, каким образом его дочь вышла такой глупой, неспособной, не одаренной никакими талантами девочкой.

«Господи Боже мой! – часто думал он, глядя на нее. – Неужели она будет такая же глупая, как ее тетка Элиза!»

Если тетке Элизе совсем не давалось ученье, если она тотчас же забывала все, что с величайшим трудом выучивала, то Эрменгарда была удивительно похожа на нее. Она считалась – и совершенно справедливо – самой неспособной девочкой в школе, настоящей тупицей.

– Заставьте ее учиться, – сказал ее отец мисс Минчин.

И бедная Эрменгарда проводила большую часть своей жизни в слезах. Она учила уроки и забывала их, а если помнила, то ничего не понимала. А потому неудивительно, что, познакомившись с Сарой, она сидела и с глубочайшим изумлением глядела на нее.

– Ты умеешь говорить по-французски? – почтительно спросила она.

Сара тоже забралась на широкий подоконник и, поджав ноги, обхватила руками колени.

– Да, умею, потому что всю свою жизнь слышала французскую речь, – ответила она. – И ты умела бы, если бы постоянно слышала.

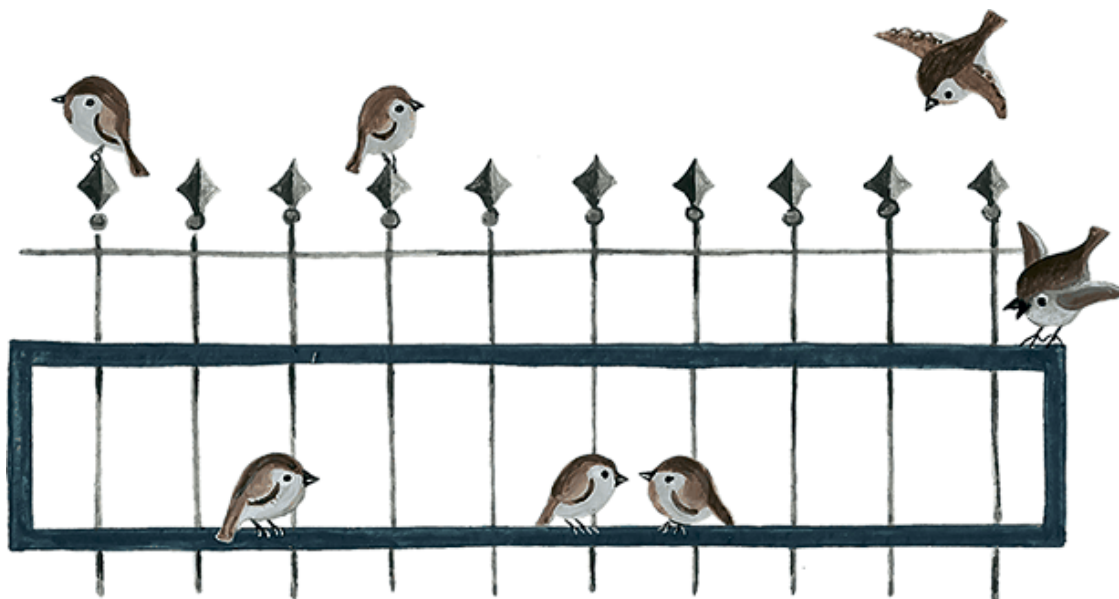
– Нет, нет, я бы не сумела! – воскликнула Эрменгарда. – Я никогда не могла бы говорить по-французски!

– Почему же? – с любопытством спросила Сара.

– Ты слышала, как я отвечала сегодня, – сказала Эрменгарда. – И я всегда так отвечаю. Я не могу произносить французские слова. Они такие странные.

Она остановилась на минуту, а потом добавила чуть ли не с благоговением:

– Ты очень умная – да?

Сара глядела в окно на грязный, разбитый на площади садик, на воробьев, которые прыгали и чирикали на мокрой железной решетке и на мокрых ветках деревьев. Она задумалась и ответила не сразу. Ее часто называли умной, но теперь она спрашивала себя, действительно ли она умная, а если умная, то почему так вышло.

– Не знаю, – наконец сказала она, а потом, заметив, что круглое, толстое лицо Эрменгарды омрачилось, слегка усмехнулась и переменяла разговор. – Хочешь видеть Эмили? – спросила она.

– Кто такая Эмили? – спросила в свою очередь Эрменгарда, совершенно так же, как мисс Минчин.

– Пойдем в мою комнату и посмотрим, – сказала Сара, протянув руку.

Они соскочили вместе с подоконника и пошли наверх.

– Правда, что у тебя есть своя собственная гостиная? – шепнула Эрменгарда, когда они проходили через переднюю.

– Правда, – ответила Сара. – Папа просил мисс Минчин дать мне отдельную гостиную, потому что... ну, да, потому что когда я играю, то придумываю разные истории и рассказываю их себе. И я не люблю, чтобы кто-нибудь слушал меня; это мне мешает.

Они только что вошли в коридор, ведущий в комнату Сары. Эрменгарда вдруг остановилась и, едва дыша, устремила глаза на Сару.

– Ты сама выдумываешь разные истории? – задыхаясь, проговорила она. – Ты можешь делать это так же хорошо, как говорить по-французски? Можешь – да?

Сара с удивлением взглянула на нее.

– Это может всякий. Ты никогда не пробовала? – спросила она и, не дожидаясь ответа, шепнула: – Подойдем к двери как можно тише, а потом я сразу отворю ее. Может быть, нам удастся захватить ее врасплох.

Сара улыбалась, говоря это, но по глазам ее было видно, что она надеется увидеть что-то необыкновенное, таинственное. Такое же настроение охватило и Эрменгарду, хоть она не имела ни малейшего понятия о том, что все это значит и кого хотят они захватить врасплох и зачем это нужно. Во всяком случае, что бы это ни значило, Эрменгарда была уверена, что увидит нечто чудесное и необыкновенное. И, дрожа от ожидания, она на цыпочках пошла за Сарой по коридору.

Они неслышно подошли к двери, а потом Сара вдруг повернула ручку и распахнула настежь дверь. В красиво убранной комнате стояла глубокая тишина; в камине приветливо горел огонек, а на стуле сидела великолепная кукла и как будто читала книгу.

– Нет, нам не удалось захватить ее! – воскликнула Сара. – Она успела добежать до своего стула. Вот так они делают всегда. Они быстрые, как молния.

Эрменгарда перевела глаза с Сары на куклу, а затем с куклы на Сару.

– Разве она может ходить? – с изумлением спросила она.

– Да, – ответила Сара, – по крайней мере, я думаю, что может, то есть я представляю себе, как будто я думаю, что она может. И тогда мне кажется, что это правда. Ты никогда не представляла себе ничего?

– Нет, никогда, – ответила Эрменгарда. – Расскажи мне об этом.

Эта странная новенькая так очаровала ее, что она больше смотрела на нее, чем на Эмили, хотя никогда в жизни не видела такой прелестной куклы.

– Сядем, и я расскажу тебе, – сказала Сара. – Это очень легко. Стоит только начать, и тогда уж трудно остановиться. И это так приятно! Эмили, ты тоже можешь послушать. Это Эрменгарда Сент-Джан, Эмили. Эрменгарда, это Эмили. Хочешь взять ее на руки?

– Разве мне можно? – спросила Эрменгарда. – В самом деле можно?.. Ах, какая она красивая! – воскликнула девочка, взяв куклу.

Никогда в течение своей скучной коротенькой жизни не думала Эрменгарда, что ей удастся провести время так приятно, как в это утро в комнате Сары. Они оставались там целый час, до самого звонка к завтраку.

Сара сидела на коврике перед камином и рассказывала разные удивительные вещи; зеленые глаза ее блестели, щеки горели. Она рассказывала о своем путешествии и об Индии. Но больше всего пленила Эрменгарду ее фантазия о куклах, которые будто бы ходят и говорят, когда в комнате нет никого. Они только никому не открывают своего секрета и быстро, «как молния», садятся на свои места, когда слышат, что кто-нибудь идет.

– Мы не могли бы делать этого, – серьезно сказала Сара. – Это волшебство.

Когда она рассказывала, как искала Эмили вместе с отцом, Эрменгарда заметила, что лицо ее вдруг изменилось. Как будто облако затуманило его и погасило блеск ее глаз. У нее вырвался какой-то странный, похожий на рыдание вздох, и она крепко сжала губы, как бы решившись сделать что-то или не делать чего-то. Эрменгарде показалось, что она сейчас заплачет. Но она не заплакала.

– Тебе... тебе больно? – нерешительно спросила Эрменгарда.

– Да, но у меня болит не тело, – после небольшого молчания ответила Сара и прибавила, понизив голос и стараясь, чтобы он не дрожал: – Любишь ты своего папу больше всего на свете?

Эрменгарда открыла рот. Говоря по правде, ей никогда и в голову не приходило, что она может любить отца; она даже готова была вынести все, лишь бы не остаться с ним наедине в течение десяти минут. Но Эрменгарда понимала, что благовоспитанной девочке, учащейся в образцовой школе, было бы неприлично сознаться в этом.

– Я... я почти никогда не вижу его, – пробормотала она. – Он всегда сидит в библиотеке и... читает разные книги.

– А я люблю моего папу больше всего на свете... в десять раз больше! – сказала Сара.

Она опустила голову на колени и сидела тихо в течение нескольких минут.

«Она сейчас заплачет!» – со страхом подумала Эрменгарда.

Но Сара и на этот раз не заплакала. Ее короткие черные волосы упали ей на уши, и она сидела молча, а потом заговорила, не поднимая головы.

– Я обещала ему перенести это, – сказала она, – и я перенесу. Ведь всякому приходится переносить многое. Подумай только, сколько приходится выносить военным! А мой папа –

военный. В случае войны ему пришлось бы идти в поход, он терпел бы лишения, был бы, может быть, опасно ранен. Но он никогда не сказал бы ни слова жалобы, ни одного слова!

Эрменгарда молча глядела на Сару и чувствовала, что начинает горячо любить ее. Она была такая необыкновенная, такая непохожая на других.

Наконец Сара подняла голову и, откинув назад свои черные волосы, сказала с какой-то странной улыбкой:

– Если я буду говорить и рассказывать тебе о том, что я представляю себе, то мне будет легче. Забыть я не могу, но мне будет легче.

Эрменгарда почувствовала, что какой-то комок подступает к горлу и слезы навертываются на глазах.

– Лавиния и Джесси закадычные подруги, – хрипло проговорила она. – Я бы желала, чтобы ты была моей закадычной подругой. Хочешь подружиться со мной? Ты самая умная, а я самая глупая во всей школе, но я... я так полюбила тебя!

– Я очень рада, что ты меня любишь, – сказала Сара. – Да, мы будем дружить. И знаешь что? – прибавила она с просветлевшим лицом. – Я буду помогать тебе учить французские уроки.

Глава четвертая

Дотти

Если бы у Сары был другой характер, то десять лет, которые она должна была провести в школе мисс Минчин, принесли бы ей не пользу, а вред. С ней обращались скорее как с почетной гостьей, чем как с воспитанницей. Если бы она была упряма и высокомерна, это постоянное баловство и лесть могли бы совсем испортить ее и сделать невыносимой для других.

А если бы она была ленива, то не выучилась бы ничему. Мисс Минчин в глубине души не любила Сару, но она была женщина практичная и дорожила такой выгодной воспитанницей. Ведь если сделать или сказать ей что-нибудь неприятное, она, пожалуй, не захочет оставаться в школе. Стоит ей только написать отцу, что ей живется плохо, и капитан Кру тотчас же заберет ее – мисс Минчин прекрасно знала это. А потому она постоянно хвалила Сару и позволяла ей все, что угодно. Мисс Минчин была уверена, что каждый ребенок, с которым так обращаются в школе, будет любить ее. А потому Сару хвалили за все: за успехи в ученье, за прекрасные манеры, за доброту к подругам, за щедрость, если она давала нищему шесть пенсов из своего туго набитого кошелька. Каждым самым обыкновенным поступком ее восхищались, как будто она сделала что-то особенное, и, не будь Сара умна, она превратилась бы в очень неприятную и себялюбивую девочку. Но у Сары был ясный ум: она понимала себя и свое положение и иногда рассуждала об этом с Эрменгардой.

– Многое у людей зависит от случайностей, – как-то раз сказала она ей. – Мне повезло. Случилось так, что я всегда любила читать и учиться и хорошо запоминала выученное. Случилось, что обо мне с самого рождения заботился добрый, милый, умный отец и давал мне все, чего бы я ни пожелала. Может быть, у меня на самом деле дурной характер, а не сержусь я только потому, что у меня есть все нужное, и потому, что все добры ко мне. Не придумаю даже, как узнать, хорошая я или плохая. Может быть, у меня отвратительный характер, но никто никогда не узнает этого, потому что не будет случая узнать.

– И у Лавинии нет никаких случаев, – возразила Эрменгарда, – а между тем у нее отвратительный характер.

Сара потеряла кончик носа, как бы раздумывая над замечанием Эрменгарды.

– Может быть, это потому, что Лавиния растет, – наконец сказала она.

Сара вспомнила слова мисс Амелии, которая как-то говорила, что Лавиния растет слишком быстро и это имеет дурное влияние на ее здоровье и расположение духа.

У Лавинии был на самом деле дурной характер. Она страшно завидовала Саре. До ее поступления Лавиния занимала первое место в школе и все подчинялись ей, так как она умела быть очень неприятной, если кто-нибудь осмеливался идти против нее. Она обращалась гордо и презрительно с маленькими и держала себя слишком важно с девочками постарше, которые могли быть ее подругами. Она была красива, одевалась лучше других и потому шла всегда впереди всех, когда воспитанницы образцовой школы отправлялись по парам в церковь или на прогулку. Но когда приехала Сара со своими бархатными кофточками, собольими муфтами и страусовыми перьями, мисс Минчин распорядилась, чтобы во время этих торжественных выводов первое место во главе всей школы занимала Сара. И это было уж очень обидно Лавинии, а потом пошло еще хуже. Оказалось, что Сара тоже может иметь влияние на других и ей тоже подчиняются, но не потому, что она умеет быть неприятной, а потому, что никогда не прибегает к этому средству.

– В Саре Кру хорошо то, что она ни крошечки не важничает, – сказала раз Джесси, оскорбив этим замечанием до глубины души своего «закадычного» друга. – А ведь она могла бы, Лавви. Если бы у меня было столько хороших вещей и если бы все так ухаживали за мной, то

я, право, начала бы важничать – так, немножко. Противно смотреть, как мисс Минчин выстав- ляет ее, когда к кому-нибудь приезжают родные.

– «Пойдите в гостиную, дорогая Сара, и расскажите миссис Месгрев об Индии», – пере- дразнила Лавиния мисс Минчин. – «У дорогой Сары такой прекрасный французский выговор. Она должна поговорить по-французски с леди Питкин...» А дорогая Сара выучилась француз- скому языку не в школе, и восхищаться тут нечем. Она сама говорит, что никогда не училась ему и привыкла говорить по-французски только потому, что постоянно слышала, как говорил ее отец. А этот отец – вот редкость-то! – офицер в Индии. Как будто ничего не может быть выше этого!

– Он охотился на тигров, – сказала Джесси. – Он сам убил того тигра, шкура которого лежит в комнате Сары. Вот почему Сара так любит эту шкуру. Она ложится на нее, гладит голову тигра и разговаривает с ним, как с кошкой.

– Она всегда делает какие-нибудь глупости, – резко сказала Лавиния. – Моя мама гово- рит, что очень глупо представлять себе разные вещи. Она говорит, что из Сары Кру выйдет большая оригиналка.

Сара действительно не важничала. Она относилась дружески ко всем девочкам и щедро делилась с ними всем, что у нее было. Она никогда не обижала маленьких, которые привыкли исполнять приказания и выносить презрительное обращение зрелых леди десяти-двенадцати лет. Сара относилась к этим крошкам с любовью. Когда они падали и начинали тереть колени, она утешала, ласкала их и вынимала из кармана конфетку или что-нибудь другое, способное уменьшить их горе. И она никогда не оскорбляла их самолюбия презрительным намеком на возраст.

– Что же из того, что ей четыре года? – резко сказала она Лавинии, когда та отшлепала Лотти и назвала ее младенцем. – Пройдет год, и ей будет пять, еще год – шесть лет. А через шестнадцать, всего только через шестнадцать лет ей уже будет двадцать.

– Боже, как мы хорошо считаем! – воскликнула Лавиния.

На самом деле нельзя было отрицать, что четыре и шестнадцать равны двадцати, а два- дцать лет – такой возраст, о котором не дерзали мечтать даже самые смелые девочки.

И маленькие боготворили Сару. Она часто приглашала в свою комнату этих презираемых всеми крошек. Она позволяла им играть с Эмили и угощала их жиденьким, очень сладким чаем из чашечек Эмили, на которых были нарисованы хорошенькие голубые цветочки. Никогда ни у одной куклы не было такого чудного сервиза! А сама Сара настоящая королева, даже богиня. К такому заключению пришли все учившие азбуку девочки.

Лотти Лег обожала Сару до такой степени, что, не будь у той доброго сердечка, эта четы- рехлетняя крошка, наверное, надоела бы ей. Когда мама Лотти умерла, молодой, легкомыслен- ный папаша отдал девочку в школу, потому что положительно не знал, что с ней делать. А так как с Лотти обращались с самого рождения как с любимой куклой или балованной собачкой, то из нее вышло ужасное маленькое создание. Когда она хотела или не хотела чего-нибудь, то сейчас же начинала плакать и кричать. А так как ей всегда хотелось того, чего ей нельзя было дать, и, наоборот, не хотелось того, что было необходимо, то ее пронзительный голосок и заунывные вопли постоянно слышались то в одной части дома, то в другой.

Какими-то таинственными путями Лотти узнала, что если девочка очень рано лишится матери, то ее нужно жалеть и всячески баловать. Должно быть, она слышала, как это говорили взрослые, когда умерла ее мама. И Лотти старалась извлечь как можно больше пользы из своего положения.

Раз, идя в гостиную, Сара услышала голоса мисс Минчин и мисс Амелии. Они употреб- ляли все силы, чтобы заставить замолчать какую-то девочку, заливавшуюся сердитым плачем и, по-видимому, не желавшую остановиться. И она завывала так пронзительно, что мисс Мин- чин принуждена была, хоть и с большим достоинством, кричать, чтобы быть услышанной.

- Что она ревет? – громовым голосом спросила она.
- О-о-о! – услышала Сара. – У ме-ня нет ма-м-мы!
- Перестань, Лотти! – взвизгнула мисс Амелия. – Перестань, моя милочка. Пожалуйста, не плачь!
- О! О! О! – еще пронзительнее завывла Лотти. – У меня нет ни-ка-кой мам-м-мы!
- Ее следует высечь! – объявила мисс Минчин. – Я высеку тебя, негодная девчонка!

Лотти заревела еще громче, а голос мисс Минчин, постепенно повышаясь, загремел, как гром. Потом она вдруг в бессильном негодовании соскочила с кресла и бросилась из комнаты, оставив мисс Амелию улаживать дело, как знает.

Сара стояла в передней, раздумывая, не войти ли ей в комнату; она накануне познакомилась с Лотти и думала, что ей, может быть, удастся успокоить девочку.

Выйдя из гостиной, мисс Минчин, к величайшему своему неудовольствию, увидела Сару. Ей было неприятно, что Сара слышала, как она отчитывала Лотти. Она сознавала, что кричала слишком громко и что тон ее был не совсем приличен.

– Ах, это вы, Сара! – сказала она, стараясь улыбнуться.

– Я остановилась, услышав, что Лотти плачет, – объяснила Сара. – Я подумала, что мне, может быть, удастся успокоить ее. Можно мне попробовать, мисс Минчин?

– Да, если хотите, – прошептала та сквозь зубы, но, заметив, что ее суровый вид испугал Сару, снова улыбнулась и сказала уже гораздо мягче: – Вы умная девочка и, пожалуй, сумеете справиться с нею. Войдите.

И мисс Минчин удалилась.

Войдя в комнату, Сара увидела, что Лотти лежит на полу и, горько рыдая, изо всей силы колотит по нему своими толстыми ножками, а мисс Амелия с красным потным лицом стоит в совершенном отчаянии на коленях, наклонившись над ней.

Лотти помнила, что, живя дома, она всегда начинала плакать и колотить об пол ногами, когда ей хотелось чего-нибудь, и что это средство всегда помогало. А потому она постоянно прибегала к нему и в школе. Бедная же толстая мисс Амелия совсем растерялась и пробовала то одно, то другое средство, стараясь успокоить ее.

– Бедная, милая крошка! – говорила она. – Я знаю, что у тебя нет мамы, бедняжка! – А потом вдруг начинала совсем другим тоном: – Замолчи, Лотти! Если ты не замолчишь, я накажу тебя!.. Бедный ангельчик! Опять? Опять? Вот ты увидишь, что я высеку тебя, скверная, отвратительная девчонка! Непременно высеку!

Сара тихо подошла к ним. Она не знала, что будет делать, но как-то смутно чувствовала, что не следует говорить с Лотти то грозно, то нежно и таким возбужденным тоном.

– Мисс Амелия, – тихонько сказала она, – мисс Минчин позволила мне попробовать успокоить ее. Можно?

Мисс Амелия обернулась и беспомощно взглянула на нее.

– Неужели вы думаете, что вам удастся? – прошептала она.

– Не знаю, удастся ли мне, – также шепотом ответила Сара, – но я хочу попробовать.

Облегченно вздохнув, мисс Амелия с трудом поднялась с колен, а толстенькие ножки Лотти продолжали изо всей силы барабанить по полу.

– Если вы уйдете из комнаты, – шепнула Сара, – я останусь с ней.

– О, Сара! – чуть не плача сказала мисс Амелия. – У нас никогда не бывало такой ужасной воспитанницы. Не знаю, будем ли мы в состоянии держать ее в школе.

И она вышла из комнаты очень довольная, что может со спокойным сердцем сделать это.

Сара стояла некоторое время над сердито завывавшей Лотти и молча смотрела на нее, а потом тоже села на пол рядом с ней и стала ждать. Она не говорила ничего, и в комнате раздавались только пронзительные вопли Лотти. Это было новостью для мисс Лег: когда она начинала плакать, ее обыкновенно то бранили, то упрашивали, то угрожали ей, то ласково уговаривали ее. Так бывало всегда, и она привыкла к этому. А лежать на полу и стучать ногами, когда около тебя сидит кто-то, по-видимому не обращая на тебя никакого внимания, по меньшей мере странно. Лотти открыла свои крепко зажмуренные глазки, из которых лились слезы, чтобы узнать, кто это, и увидела, что около нее сидит тоже девочка. Но у этой девочки есть Эмили и много других хороших вещей. И она смотрит совершенно спокойно, как будто думая о чем-то. Замолчав на несколько секунд, чтобы ознакомиться с положением дела, Лотти решила, что пора приняться за прежнее. Но тишина в комнате и спокойное лицо Сары сделали свое дело, и первый вопль мисс Лег вышел довольно натянутый.

– У ме-ня нет ни-ка-кой мам-м-мы! – объявила она, но голос ее был уже далеко не так громок и решителен, как прежде. Сара спокойно, но с участием взглянула на нее.

– И у меня нет, – сказала она.

Это было так неожиданно, что Лотти остановилась, пораженная. Она опустила ноги, перевернулась и устремила глаза на Сару. Увидав или услышав что-нибудь новое, ребенок сейчас же переставал плакать. К тому же Лотти не любила ни мисс Минчин, которая была слишком строга, ни мисс Амелию, которая была безрассудно снисходительна, а Сара ей нравилась, хоть она и мало знала ее. Лотти, в сущности, не хотелось забывать о своем горе, но слова Сары развлекли ее, и она, капризно всхлипнув, спросила:

– Где же она?

Сара помолчала с минуту. Ей говорили, что ее мама на небе, и она, после долгих размышлений, составила себе свое собственное представление об этом.

– Она на небе, – ответила она, – но я уверена, что она приходит оттуда, чтобы взглянуть на меня, хоть сама я и не вижу ее. То же самое делает и твоя мама. Может быть, они обе видят нас теперь. Может быть, они обе здесь, в комнате.

Лотти села и огляделась кругом. Это была хорошенькая кудрявая девочка с голубыми, как незабудки, глазами. Если ее мама смотрела на нее в продолжение последнего получаса, то, наверное, должна была прийти к заключению, что у нее далеко не ангельский характер.

А Сара продолжала рассказывать, и Лотти невольно заслушалась. Ей тоже говорили, что ее мама на небе и что у нее есть крылья; ей показывали и картинки, на которых были нарисованы ангелы в белых одеждах. Но Сара рассказывала иначе, гораздо живее, как будто знала это чудное место и тех, кто живет там.

Что бы ни стали рассказывать Лотти, она все равно перестала бы плакать и начала слушать; но эта история особенно ей понравилась. Она пододвинулась к Саре и жадно ловила каждое ее слово до тех пор, пока та не закончила. А закончила она, по мнению Лотти, слишком скоро. И это было очень неприятно.

– Я тоже хочу туда! У меня нет никакой мамы в школе! – воскликнула она, и нижняя губка ее задрожала и стала опускаться.

Увидав этот зловещий признак, Сара взяла Лотти за руку и нежно прижала ее к себе.

– Я буду твоей мамой, – сказала она. – Мы будем играть, как будто ты моя дочка. А Эмили станет тогда твоей сестрой.

Лотти улыбнулась, и ямочки появились у нее на щеках.

– Моей сестрой? – спросила она.

– Конечно, – ответила Сара, вскочив с пола. – Пойдем и расскажем ей, а потом я умою и причешу тебя.

Лотти с радостью согласилась и побежала с Сарой наверх, по-видимому совсем забыв, что единственной причиной разыгравшейся в гостиной трагедии и появления величественной мисс Минчин был отказ ее, Лотти, умыться и причесаться к завтраку.

И с этого дня Сара стала ее приемной матерью.

Глава пятая

Бекки

Сара великолепно рассказывала волшебные сказки, да и сама умела придумывать их. И популярность ее среди воспитанниц возросла главным образом благодаря этому дару, а не тому, что она была богата и занимала всегда и всюду первое место. Лавиния и некоторые другие воспитанницы завидовали Саре, но, слушая ее, невольно поддавались очарованию.

Всякий учившийся в школе знает, как ценится тот, кто знает много сказок и умеет рассказывать их, как за ним ухаживают, как упрашивают рассказать что-нибудь и как жадно ловят каждое его слово. А Сара не только умела, но и любила рассказывать. Когда, стоя или сидя среди девочек, она начинала выдумывать какую-нибудь удивительную историю, зеленые глаза ее расширялись и сверкали, она помогала себе жестами, то повышая, то понижая голос. Сара сама забывала тогда, что рассказывает жадно слушающим ее детям; она воочию видела волшебниц или королей, королев и прекрасных дам, о которых говорила, она жила их жизнью. Иногда, кончив какую-нибудь сказку, Сара, задыхаясь от волнения, прикладывала руку к груди и с улыбкой шептала как бы про себя:

– Когда я рассказываю, мне кажется, что это не выдуманно, а происходит на самом деле. Так же ясно, как вас, как вот эту комнату, вижу я всех, про кого говорю, а сама становлюсь по очереди то тем, то другим из них. Это очень странно!

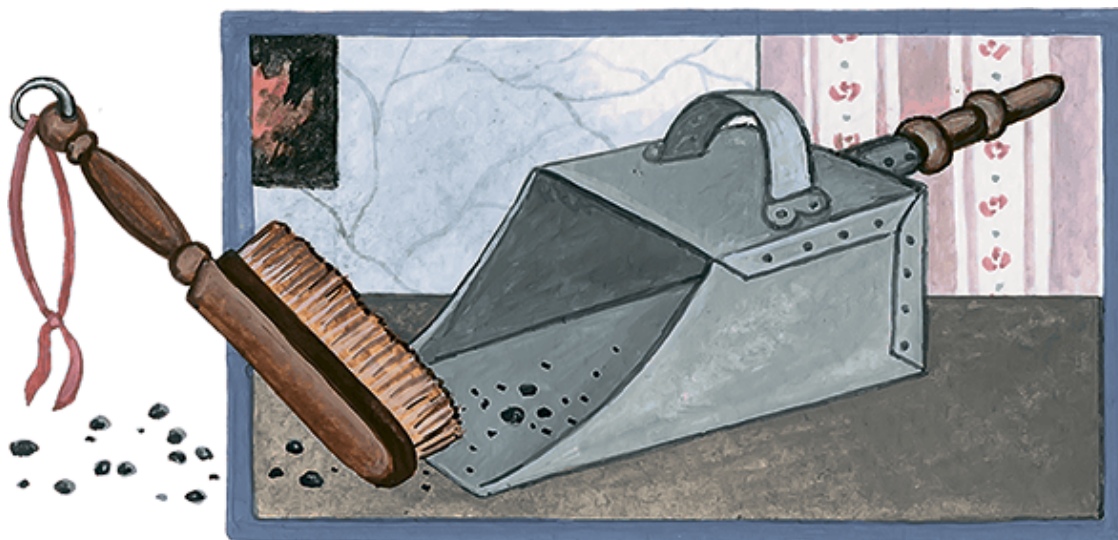
Раз в пасмурный зимний день, года два спустя после поступления в школу, Сара поехала кататься. Вернувшись назад и выходя из экипажа в своей роскошной бархатной, отороченной мехом кофточке, она увидела в садике какую-то грязную девочку, которая, широко открыв глаза и вытянув шею, внимательно глядела на нее через решетку. Робкое и в то же время возбужденное лицо этой девочки привлекло внимание Сары, и она взглянула на нее еще раз, а взглянув, улыбнулась.

Сара улыбалась всем.

Но обладательница грязного лица и широко открытых глаз, должно быть, испугалась, как бы ей не пришлось отвечать за то, что она смотрит на такую важную воспитанницу. И, бросившись в кухню, она исчезла так быстро, что Сара невольно бы рассмеялась, если бы эта девочка не казалась такой несчастной и запуганной.

В тот же день вечером Сара, окруженная слушательницами, сидела в уголке класса и рассказывала одну из своих волшебных сказок. Вдруг та же самая девочка робко вошла в комнату, держа в руках слишком тяжелый для нее ящик с углем. Поставив его около камина, она опустилась на колени и начала подкладывать уголь и выгребать золу.

Теперь она была не такая грязная, как днем, но казалась такой же испуганной. Она, по-видимому, боялась смотреть на воспитанниц и не хотела дать им заметить, что слушает сказку. Она клала уголь очень осторожно, стараясь не стучать, и выгребала золу очень тихо. Но Сара тотчас же увидела, что сказка сильно заинтересовала ее и что она нарочно делает все очень медленно, в надежде услышать побольше. И, заметив это, Сара стала говорить громче.

– Русалки тихо плыли, отражаясь в прозрачной зеленой воде, – рассказывала она, – и тянули за собой сеть, в которую были вплетены крупные жемчужины, найденные в глубине моря. А принцесса сидела на белом утесе и смотрела на них.

Это была чудесная сказка про принцессу, которую полюбил морской король и которая ушла к нему и стала жить с ним в сверкающем дворце на дне моря.

Маленькая служанка вымела золу раз, потом другой и, наконец, третий. И когда она вымела ее в третий раз, сказка так очаровала ее, что она забыла обо всем на свете и, присев на пятки, сжала щетку в руке. А Сара продолжала рассказывать, и до того живо, что бедная девочка как бы видела перед собою таинственные пещеры в морской глубине, освещенные нежным голубоватым светом и выстланные песком из чистого золота. Ей казалось, что странные морские цветы и трава качаются около нее, а издали доносятся тихое пение и музыка. Щетка выпала из загрубевшей от работы руки маленькой служанки.

– Она слушала, – сказала Лавиния, взглянув на нее.

Преступница вскочила, подняла щетку, схватила ящик с углем и, как перепуганный заяц, в одно мгновение исчезла.

Сара рассердилась на Лавинию.

– Я знала, что эта девочка слушает, – сказала она. – Почему же ей нельзя слушать?

Лавиния грациозно покачала головой.

– Не знаю, как бы взглянула твоя мама, будь она жива, если бы ты вздумала рассказывать сказки прислуге, – сказала она. – Моей маме это, во всяком случае, было бы неприятно.

– А я уверена, что моя мама позволила бы мне это, – горячо возразила Сара. – Сказки – для всех... Пойдем, Лотти!

И Сара вышла из комнаты, надеясь встретить маленькую служанку, но той не видно было нигде.

– Какая это девочка топит камин? – спросила вечером Сара у Мариетты.

– Ах, хорошо, что mademoiselle Сара обратила на нее внимание. Это жалкая, одинокая девочка. Она поступила на место судомойки, но на нее взваливают всякую работу. Она чистит сапоги и решетки каминов, таскает вверх и вниз по лестнице тяжелые ящики с углем, моет полы и окна и исполняет приказания всех и каждого. Мне от души жаль ее. Она очень робка, и если заговорить с ней, она так тарасит свои бедные, испуганные глаза, что кажется, будто они сейчас выскочат.

– Как ее зовут? – спросила Сара. Она сидела около стола и, опершись подбородком на руки, внимательно слушала.

– Ее зовут Бекки. Чуть не через каждые пять минут внизу кричат: «Бекки, сделай то!», «Бекки, сделай это!».

После ухода Мариетты Сара сидела некоторое время, глядя на огонь и думая о Бекки. У нее в уме начинала складываться сказка, в которой та была несчастной героиней. По лицу Бекки можно было подумать, что она никогда не наедается досыта; даже глаза у нее были какие-то голодные.

Сара надеялась, что ей удастся встретиться и поговорить с нею; но хоть иногда ей и случилось видеть мельком, как Бекки бежала то вверх, то вниз по лестницам, но поговорить с ней не было никакой возможности. Она всегда торопилась и так боялась попасться кому-нибудь на глаза, что старательно избегала всяких встреч.

Однако через несколько недель, тоже в пасмурный день, желание Сары исполнилось. Войдя в свою гостиную, она увидела странное зрелище. На ее любимом мягком кресле, стоявшем около камина, сидела Бекки. Нос ее был перепачкан в угле, несколько пятен от угля было на фартуке, чепчик сполз на одну сторону, а на полу, около нее, стоял пустой ящик из-под угля. Положив голову на подушку, Бекки крепко спала, утомившись, должно быть, от тяжелой, непосильной работы.

Ее послали наверх убирать спальни. Их было очень много, и она все утро бегала то туда, то сюда. Спальню и гостиную Сары она оставила на конец. Комнаты других воспитанниц были меблированы просто, и в них стояли лишь самые необходимые вещи. А гостиная Сары казалась Бекки необыкновенно роскошной, хотя на самом деле это была только хорошенькая, светлая комнатка. Но в ней стояли диван и низкое мягкое кресло; в ней были картины, книги и редкие вещицы из Индии, в камине всегда горел веселый огонек, и Эмили величественно восседала на своем собственном кресле. Бекки приберегала комнаты Сары к концу, потому что любила бывать в них. И каждый раз, входя сюда, она садилась на несколько минут в мягкое кресло, около камина, и думала о Саре. Ах, как счастлива эта богатая мисс Кру, у которой столько великолепных вещей и которая ездит кататься в роскошных шляпах и кофточках!

Теперь Бекки тоже села в кресло. И так хорошо стало ее бедным усталым ногам, такое блаженное чувство покоя охватило ее, что все ее утомление сразу прошло. А от огня, пылавшего в камине, приятная истома все больше овладевала ею. Легкая улыбка промелькнула у нее на губах, голова опустилась на подушку, глаза закрылись, и она заснула.

Сара вошла в гостиную всего минут через десять после этого, но Бекки успела уже так крепко заснуть, что казалось, будто она, как Спящая красавица, спит целые сотни лет. Однако по наружности бедная Бекки нимало не походила на Спящую красавицу. Это была маленькая, некрасивая, измученная непосильной работой девочка.

Сара казалась сравнительно с ней существом из другого мира, до того велика была разница между ними.

В этот день был урок танцев, а эти уроки считались в школе важным событием. Воспитанницы одевались для них в самые лучшие свои платья, а так как Сара танцевала очень хорошо и учитель всегда ставил ее впереди, то Мариетта старалась, чтобы она была как можно наряднее.

Теперь на Саре было розовое платье, а на ее черные волосы Мариетта надела венок из розовых бутонов. Сара выучила новый прелестный танец и скользила, и порхала по зале, как большая розовая бабочка. На лице ее была радостная улыбка, и она раскраснелась от танцев и удовольствия.

Она легко вбежала в комнату и увидела Бекки в сдвинутом набок чепчике.

– Бедняжка! – прошептала Сара.

Она несколько не рассердилась, что на ее хорошеньком любимом кресле сидит девочка в грязном, перепачканном в угле платье. Она даже обрадовалась, увидав Бекки. Теперь, когда несчастная героиня ее сказки проснется, с ней можно будет поговорить. Сара тихонько подошла к ней и остановилась, глядя на нее. Бекки слегка всхрапнула.

«Хорошо, если бы она проснулась сама, – подумала Сара. – Мне не хотелось бы будить ее, но мисс Минчин рассердится, если увидит ее здесь. Подожду еще немножко».

Она села на стул и, болтая ногами, задумалась, не зная, что делать. Мисс Амелия могла войти каждую минуту, и тогда Бекки достанется.

«Но она так устала, – думала Сара, – так ужасно устала!»

В эту минуту маленький уголек вывел ее из затруднения. Он отломился от большого куска и упал на решетку. Бекки вздрогнула и открыла глаза. Господи, что такое?.. Неужели она заснула?

Она присела только на минутку, наслаждаясь теплом и отдыхом, и вдруг – какой ужас! – ее застали спящей! Около нее, точно розовая бабочка, сидит мисс Кру и смотрит на нее!

Бекки вскочила и схватилась за свой чепчик. Он сполз ей на ухо, и она порывисто сдвинула его на другой бок. Господи, что ей будет теперь за то, что она осмелилась заснуть в кресле мисс Кру? Ей, наверное, откажут от места и не заплатят жалованья!

У Бекки вырвался похожий на рыдание вздох.

– О, мисс! – заикаясь, проговорила она. – О, мисс, простите меня! Пожалуйста, простите! Сара вскочила со стула и подошла к ней.

– Не бойся, – ласково сказала она. – Это ничего не значит.

– Я заснула нечаянно, мисс, – продолжала Бекки. – От огня было тепло, а я так устала!

Сара засмеялась и положила руку ей на плечо.

– Я понимаю, – сказала она, – ты устала и не заметила, как заснула. Ты и теперь еще не совсем проснулась.

Бекки с изумлением глядела на Сару. Никто никогда не говорил с ней так ласково. Она привыкла выслушивать приказания и брань и получать толчки. А эта маленькая мисс, вся в розовом, смотрит на нее с такой добротой, как будто она совсем не виновата, как будто она имеет право устать и даже заснуть! И прикосновение маленькой нежной ручки к ее плечу казалось Бекки чем-то необыкновенным.

– Вы... вы не сердитесь на меня, мисс? – пробормотала она. – Вы не скажете хозяйке?

– Нет! – воскликнула Сара. – Конечно, не скажу!

На лице Бекки застыл такой ужас, что Саре было тяжело смотреть на нее.

– По-настоящему между нами нет никакой разницы, – прибавила она. – Я такая же девочка, как ты. Ведь это простая случайность, что я не ты, а ты не я.

Бекки не поняла ни слова: такие мысли были недоступны ей. «Случайность?» Должно быть, маленькая мисс говорит про какой-нибудь «несчастный случай». Верно, кто-нибудь упал с лестницы или кого-нибудь переехали и отвезли в больницу.

– Случайность, мисс? – почтительно проговорила она. – Неужели?

– Конечно, так, – ответила Сара и с минуту задумчиво глядела на нее, а потом переменяла разговор, видя, что Бекки не понимает ее.

– Кончила ты свою работу? – спросила она. – Можешь побыть здесь немножко?

Бекки с трудом перевела дыхание.

– Здесь, мисс? Я?

Сара подбежала к двери, открыла ее и огляделась по сторонам.

– Тут нет никого, – сказала она. – Если ты кончила убирать спальню, то побудь у меня немного. Я думала... ты, может быть, хочешь кусочек сладкого пирога?

Следующие десять минут показались Бекки каким-то чудным сном. Сара открыла шкаф, дала ей большой кусок пирога и с удовольствием смотрела, как та жадно ела его. Она расспрашивала Бекки, смеялась, так что страх маленькой служанки мало-помалу прошел и она, набравшись смелости, тоже решила задать Саре один вопрос.

– Это... – начала она, с восхищением глядя на ее розовое платье, – это самое лучшее ваше платье?

– Это одно из платьев, которые я надеваю на уроки танцев, – ответила Сара. – Оно хорошенькое – правда?

В течение нескольких секунд Бекки не могла выговорить ни слова от изумления, а потом сказала:

– Раз я видела принцессу. Я стояла на улице вместе с народом и смотрела, как богатые господа подъезжали к театру. На одну леди все смотрели больше, чем на других, и говорили, что это принцесса. Все было у нее розовое – платье, накидка, цветы. Я сейчас же вспомнила о ней, когда увидела вас, мисс. Вы очень похожи на нее.

– Я часто думала, – тихо проговорила Сара, – что хорошо быть принцессой. Не знаю, как чувствуют себя тогда. Я, может быть, попробую представить себе, что я принцесса.

Бекки с восторгом глядела на нее, хотя опять-таки ничего не понимала.

Сара на минуту задумалась, а потом снова заговорила.

– Бекки, – спросила она, – ты слушала, когда я рассказывала сказку?

– Да, мисс, – созналась, немного встревожившись, Бекки. – Я знаю, что мне не следовало слушать, но сказка была такая хорошая, что я не могла удержаться.

– Я очень рада, что ты слушала ее, – сказала Сара. – Когда рассказываешь сказки, то всегда хочется, чтобы их слушали с удовольствием. Рассказать тебе эту сказку до конца?

Бекки снова с трудом перевела дыхание.

– Мне?! – воскликнула она. – И я узнаю все о морском короле... и о маленьких русалочьих детях, которые плавают и смеются... а в волосах у них блестят звездочки?

Сара кивнула.

– Теперь тебе, должно быть, некогда слушать, – сказала она, – но если я буду знать, в какое время ты убираешь мои комнаты, то постараюсь приходить сюда и понемножку рассказывать тебе, пока не дойду до конца. Это очень длинная сказка, и я каждый раз прибавляю к ней что-нибудь новенькое.

– Тогда я не буду чувствовать, какой тяжелый ящик с углем, – прошептала Бекки, – не буду обращать внимание на брань и побои кухарки. У меня будет о чем думать, если вы расскажете мне эту сказку.

– Да, я расскажу тебе все, – подтвердила свое обещание Сара.

Когда Бекки пошла вниз, это была уже не та Бекки, которая поднималась наверх, сгибаясь под тяжестью ящика с углем. В кармане у нее лежал запасной кусок сладкого пирога, она была сыта, и ей было тепло, но не только от пирога и от огня. Что-то другое напитало и согрело ее, и это другое была доброта Сары.

После ухода Бекки Сара присела на край стола. Она поставила ноги на стул, оперлась локтями на колени, а подбородком на руки.

– Если бы я была принцесса, – прошептала она, – настоящая принцесса, то я могла бы давать другим все, что им нужно.

Глава шестая

Алмазные россыпи

Вскоре после этого Сара получила известие, взволновавшее не только ее, но и всю школу и служившее в течение нескольких недель предметом самых оживленных толков.

В своем последнем письме капитан Кру сообщил дочери поразительную новость. Его близкий друг, с которым он в детстве учился в одной школе, неожиданно приехал в Индию, чтобы повидаться с ним. Он купил большой участок земли, на котором были потом найдены алмазные россыпи. Их уже начали разрабатывать, и по всему видно, что друг его станет обладателем такого богатства, от одной мысли о котором может закружиться голова. А так как он любит его, капитана Кру, то и предлагает ему сделаться его партнером и разделить с ним это богатство.

Вот все, что поняла Сара из письма отца.

Всякое другое предприятие, как бы выгодно оно ни было, не вызвало бы большого интереса ни у нее, ни у других. Но алмазные россыпи – это было как будто из «Тысячи и одной ночи», и никто не мог остаться равнодушным.

Саре они казались чем-то волшебным, и она часто описывала Эрменгарде и Лотти лабиринт перекрещивающихся глубоко в недрах земли галерей, на стенах и потолках которых сверкали драгоценные камни. И странные темнокожие люди с тяжелыми кирками добывали их оттуда.

Эрменгарда приходила в восторг, слушая Сару, а Лотти требовала, чтобы ее приемная мама рассказывала ей про алмазные копи каждый вечер.

Лавиния завидовала Саре, но говорила Джесси, что не верит в существование алмазных россыпей.

– У моей мамы есть кольцо с бриллиантом, а это тот же алмаз, только иначе граненный, – говорила она. – Оно стоит сорок фунтов стерлингов, а между тем камень совсем небольшой. Если бы существовали алмазные россыпи, то люди разбогатели бы до смешного.

– Может быть, и Сара разбогатеет до того, что станет смешна, – с улыбкой заметила Джесси.

– Она смешна и без богатства, – фыркнула Лавиния.

– Мне кажется, ты ненавидишь ее, – заметила Джесси.

– Нет, не ненавижу, – отрезала Лавиния. – Но я не верю в алмазные россыпи.

– Однако ведь откуда-нибудь да добывают же люди алмазы, – возразила Джесси. – А знаешь, Лавиния, что говорит Гертруда? – прибавила она, снова усмехнувшись.

– Конечно, не знаю, да и не интересуюсьнисколько, если дело идет об этой вечной Саре.

– Да, о ней. Ты знаешь, она ведь любит придумывать что-нибудь необыкновенное. Теперь она представляет себе, будто она принцесса, и старается держать себя так даже в классе. Она говорит, что это помогает ей лучше учить уроки. Ей хочется, чтобы и Эрменгарда представляла себя принцессой, но та считает себя слишком толстой для этого.

– Да, она слишком толста, – сказала Лавиния, – а Сара слишком худа.

Джесси, конечно, и на этот раз не могла не засмеяться.

– Сара говорит, что тут дело не в наружности или богатстве, а в мыслях и поступках.

– Она, вероятно, воображает, что могла бы быть принцессой даже и в том случае, если бы была нищей, – сказала Лавиния. – Станем называть ее «ваше королевское высочество».

Уроки в этот день уже кончились, и приятельницы сидели в классе около камина. Это время дня особенно любили все девочки. Мисс Минчин и мисс Амелия по окончании уроков пили чай в своей столовой, недоступном для учениц святилище. В эти часы старшие девочки

вели самые душевные разговоры, поверяли друг другу самые сокровенные тайны, в особенности если маленькие не ссорились и не бегали с визгом и криком, что, надо сознаться, они проделывали почти всегда.

Когда маленькие поднимали шум, старшие обыкновенно останавливали их, причем обращались с ними не особенно вежливо. Они знали, что если шум не прекратится, то явится мисс Минчин или мисс Амелия, и всё их удовольствие будет испорчено.

Еще не успела Лавиния окончить свою фразу, как дверь отворилась и вошли Сара с Лотти, которая всюду ходила за ней по пятам, как маленькая собачка.

– Вот она – и с этой отвратительной девчонкой! – шепнула Лавиния. – Если Сара так любит ее, то почему не держит у себя в комнате? Не пройдет и пяти минут, как она заревет.

Лотти внезапно почувствовала непреодолимое желание поиграть в классной комнате и попросила свою приемную маму пойти туда с нею. Войдя в класс, Лотти присоединилась к маленьким, игравшим в уголке, а Сара села на подоконник и, развернув книгу, стала читать.

Это была история Французской революции, и девочка забыла обо всем на свете, читая описание мук, какие выносили заключенные в Бастилии. Эти несчастные провели много лет в тюрьме, и когда их наконец освободили, они уже забыли, что на свете есть еще что-нибудь, кроме тюрьмы, и чувствовали себя как во сне. А седые волосы и бороды их были так длинны, что почти совсем закрывали им лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.